

«Знания — как сокровища. А образование — это как охота за сокровищами...»

Ныне эту цитату можно было найти в предисловие любого учебника, настолько она была заезжена, но в своё время Линь Фан услышал её первый, из уст одного своего старого друга. Он был из тех людей, которые всю жизнь могут просидеть за книгами в душной комнатухе, сажая и без того уже не зоркое зрение.

Линь Фан тогда согласился с его словами, но сам едва ли прочел больше одной-двух книжек, а тех, что не были о культивации, и того меньше... И вот спустя тридцать лет этот друг, сам к культивации негодный с рождения, обделённый даже способностью ходить, стал президентом Федерации, в то время как Линь Фан ради зарплаты в двести двадцать духовных кредитов каждый день по часу шагал через поле в школу. Работать учителем. Учить детей...

— Надо было больше читать, — пробурчал мужчина, поглядывая то на мальчишку примерно тринадцать лет перед собою, то на бумажку на деревянной дощечке у себя в руках.

— Так, — повторил мужчина, уныло покручивая ручкой, — как ещё раз говоришь тебя звать?

— Лосин Цзянькун, «Цзянь» как в иероглифе сабля, «Кун» как в иероглифе зелёные лук, по новому написанию... — повторил полноватый мальчишка.

— Ага, ясно, ясно, можешь не повторять, — недовольно махнул Линь Фан и написал «Цзянь», а потом задумался и просто нарисовал луковицу. У мужчины не было проблем с грамотностью, отнюдь... Хотя, вот как раз-таки без отнюдь. Линь Фан вырос, не зная школы, и первого своего учителя, который научил его писать и читать, юноша встретил, когда ему было уже двадцать лет. Учитель этот, вернее учительница, была очень одарённой, и она смогла даже исправить вульгарное произношение Линь Фана и вбить ему в голову тысячу другую иероглифов, но вот с новым написанием были проблемы... Оно было бесполезно, чтобы читать древние свитки, а больше мужчина ничего и не читал. Не было практики, получается. Да и зачем вообще нужна была реформа правописания? Мужчине было лень переучиваться.

— Следующий кто там?.. — пробурчал Линь Фан. После толстого мальчишки из ряда вышла девочка в чёрном спортивном костюмчике. Волосы её тоже были чёрные, и хотя они не были особенно длинными, длинной примерно до подбородка, они были очень неряшливые, как водоросли. Ей на глаза спадали волнистые локоны. Плечи ребёнка были очень тонкими, и вообще она казалась созданием чрезвычайно хрупким. Её кожа была болезненно белой.

— Меня зовут М...а... Мая! Я Мая, Мастер... — вдруг выкрикнула, а потом резко, как будто падая с горы, перешла на шёпот девочка.

Замолчала. Повесила голову. Остальные дети взглянули на неё как на пришибленную.

— Мая... Странное имя, — похоже было на какой-то диалект, подумал Линь Фан, и решил даже и не пытаться выдумать, как это записать.

— А фамилия у тебя как?

— Я... — девочка замялась.

Линь Фан нахмурился. У него появилась определённая догадка, и он уже собирался уточнить, как вдруг раздался недовольный голос:

— Безродная шавка.

Мужчина хмуро посмотрел на говорившего ребёнка. Это был юноша немного выше остальных, с волосами тёмными, но с каким-то особым золотистым блеском. Ещё его выделял широкий лоб и внушительные широкие плечи. По обеим сторонам от него, но немного сзади, стояло ещё двое мальчишек с волосами похожего оттенка. Кажется, они были его родственниками.

И прихвостнями.

Линь Фан закатил глаза. С такими вот экземплярами всегда было непросто. Парень явно был из знатного рода, — мужчине бы промолчать, но молчать после такого не позволяла совесть. Девочка, — в среднем всем детям в группе было лет по тринадцать-четырнадцать, и она даже среди них казалась самой мелкой, — после слов юноши совсем поникла.

Линь Фан вздохнул и обратился к нему:

— Слушай, мы все тут...

— Не говори так.

Но не успел он договорить, как вдруг Мая сама вскинула голову и заговорила тихим голосом. Она выступила из ряда и слегка неуверенно, но строго посмотрела на парнишку из благородного клана. В глазах девочки мелькнули скромные огоньки. Мальчик опешил и даже отступил назад; но довольно быстро он пришёл в себя, устыдился своего испуга и покраснел от злости:

— Ты как со мной разговариваешь, шавка? Я Лян Чао! Из клана четверного ранга Лян! Тварь ты мне... Ты мне даже рабыней быть не достойна!

— Мне всё равно что ты говоришь обо мне; но не говори так о безродных. Так... Нельзя, — проговорила девочка, неуверенно, но уже немного громче.

Все остальные дети отошли от них подальше, в то время как Линь Фан посмотрел на девочку по имени Мая задумчивыми глазами. Она почему-то занесла свою правую руку в сторону и вниз. Любой другой не заметил бы в её жесте ничего особенного, возможно списал бы его на простое волнение, но Линь Фан немедленно распознал движение, которое инстинктивно хотела совершить юная девушка.

Она хотела вытянуть меч.

Только меча никакого не было, и на руке её просто качался чёрный браслетик.

У Линь Фаня немедленно сложилось самое дурное впечатление об этом юном создании. Мужчина никогда не любил мечников, — все мечники в его жизни были чрезвычайно раздражающими персонажами.

Линь Фан вспомнил одного такого, поморщился, покачал головой, выкидывая из неё все эти дурные образы, и уже собирался поднять голос, чтобы разрядить сложившуюся обстановку силой преподавательского авторитета, как неожиданно девочка совершила такое, от чего мнения Линь Фаня о ней, и так не очень высокое, опустилось до откровенной неприязни.

— Называй меня как хочешь, но не говори так о тех, у кого нету рода. Знаешь кто был безродным? — девочка слегка нахмурилась, её глаза засияли за тёмными и волнистыми волосами:

— У самого юного Звёздного Владыка за последние десять тысяч лет не было рода. Но и что? Он был гением, он был... Героем! — с каждым её словом лицо Линь Фаня неумолимо мрачнело:

— У Фан Линя... — заявила девочка и вздрогнула, — У Фан Линя не было рода. — и её тонкие плечики опустились.

Все остальные дети, с интересом наблюдавшие перепалку, тоже замерли; а потом у них загорелись глаза. Фан Линь действительно был героем, он был самой настоящей и даже ещё свежей легендой. В обществе, где всем заправляли могучие кланы, где от твоего происхождения зависела вся жизнь, дарование с планеты-свалки было подобно персонажу чудесной сказки. Самой обыкновенной сказке, с прекрасными феями, таинственными артефактами и высокомерными юными мастерами... Дети равнялись на него, они представляли себя на его месте, а взрослые, власть имущие, в своё время вынуждены были с ним считаться...

Ни для кого не было секретом, что многие реформы, значительно улучшившие положение не столь знатного населения, смогли пройти не только благодаря упорству прошлого Президента, который, конечно, сыграл в этом наиважнейшую роль, но и благодаря образу Фан Линя. Благодаря его силе и его примеру.

Поэтому среди людей обыкновенных Фан Линь пользовался огромной популярностью, и даже спустя столько лет люди до сих пор, по своему собственному желанию, сжигали благовония возле его монумента на столичной планете, который, между прочим, стоял в одном ряду с монументами всех президентов Федерации. Тридцать лет спустя люди всё ещё чествовали своего павшего героя.

Лян Чао, мальчишка из благородной семьи, немного помрачнел. Упёртость девочки его не обрадовала, но ещё больше его похоже разозлило молчание одноклассников и какой-то мечтательный взгляд в их глазах.

— Безродные шавки, все до единого, — прошипел мальчишка и выдавил прямо в лицо Мае усмешку:

— Фан Линь говоришь? — юноша прищурился. — Ну да, ему повезло, знаешь как говорят, иногда даже среди черни может появиться что-то дельное. Я забыл о нём. И знаешь почему? Потому что этот твой Фан Линь давно сдох.

<http://tl.rulate.ru/book/52126/1310331>